

Орлов Игорь Борисович  
д.и.н., проф. НИУ-ВШЭ

**Памяти Александра Зиновьева.  
«С чего начинается Родина?»:  
история России в зеркале питейной культуры<sup>1</sup>**

*«Что было раньше: Россия или водка? Вопрос теологически некорректен. Потому что в России нет и не должно быть культуры пьянства, что есть метафизика, презирующая латинское отношение к вину, баварские пивные выкрутасы, но ценящая строгий набор ритуальных предметов: стакан, пол-литра, огурец» (Виктор Ерофеев)*

Не секрет, что питье в большинстве стран мира имеет древнейшие культурно-исторические традиции и связано как с праздниками, так и с буднями.<sup>2</sup> Чистый спирт арабы получили еще в VI-VII веках, назвав его «алкоголь». Но в России самостоятельное винокурение («хлебное вино») возникло только в XV веке. Новый алкогольный продукт быстро вытеснил из массового употребления традиционные напитки – квас, пиво, мед и брагу. Впрочем, распространение пьянства в XVI столетии было связано, прежде всего, с массовым завозом в Россию спиртного из-за рубежа.

Появление первых кабаков, заменивших на питейном рынке России корчму, пришлось на эпоху Ивана Грозного. Именно «царевы кабаки», приносившие значительный доход Казне, в значительной степени стимулировали развитие пьяной культуры.<sup>3</sup> Другими словами, пьянство не было чем-то необычным для населения дореволюционной России.<sup>4</sup> Вспомним хотя бы Николая Некрасова:

«У нас на семью пьющую

Непьющая семья!

Не пьют, а также маются,

---

<sup>1</sup> Опубликовано: Орлов И.Б. Памяти Александра Зиновьева. «С чего начинается Родина?»: история России в зеркале питейной культуры // Зиновьев. Люблю и ненавижу / Авт.-сост. О.М. Зиновьева, В.А. Лепехин, О.Г. Назаров; под ред. Т.Ю. Логачевой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. С. 250-259.

<sup>2</sup> См.: История вина в цивилизации и литературе / Сост., вступ. ст. и коммент. С. Ключников. М.: «Беловодье», 1999. 544 с.

<sup>3</sup> Подробнее по этому вопросу см.: Прыжов И.Г. История кабаков в России. СПб.: ИД «Авалонъ»; Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. 320 с.

<sup>4</sup> Истории питейной политики России на рубеже XIX-XX веков посвящена книга: Краснов И.А. Кому на Руси пить хорошо? Очерки по истории алкогольного вопроса в дореволюционной России. СПб.: Специальная Литература, 2004. 239 с.

Уж лучше б пили, глупые,  
Да совесть такова...».

В русской традиции многие стороны повседневности тесно связаны с употреблением спиртного. Однако в России водка всегда была чем-то большим, нежели обычной выпивкой. Алкоголь нередко являлся частью народной обрядности (свадьба, поминки и прочее) и ментальности.

Попытки разобраться в природе российского (включая эпоху СССР) пьянства предпринимались неоднократно. Известный российский публицист Владимир Николаев попытался проследить влияние одного на судьбы россиян. Причем, «русский дьявол» у автора выступает, как ему и положено, в двух своих проявлениях. С одной стороны, «бесславное ельцинское царство на Руси, отмеченное немыслимыми выходками правящего алкоголика». А с другой стороны, «если бы не застолье, люди под Сталиным совсем одичали бы».<sup>5</sup> «Новый человек» у Андрея Синявского («стандартизированный человек» или «человек массы») предстает как «ужасное порождение советской цивилизации», «образцом» которого выступает любящий выпить Шариков из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова.<sup>6</sup> Предпринятое группой московских историков исследование «Веселие Руси. XX век» также можно рассматривать как некую реконструкцию истории XX столетия через питейную политику «сверху» и пьяную культуру «в низу».<sup>7</sup>

Активно включились в работу по воссозданию символического пространства советского питья и авторы многочисленных энциклопедий и справочников. Например, Андреем Хорошевским к числу 100 знаменитых символов советской эпохи отнесены: граненый стакан и горбачевская антиалкогольная кампания, советское шампанское, портвейн «777» и ставший культовым кинофильм «Ирония судьбы или С легким паром!». <sup>8</sup> В

---

<sup>5</sup> Николаев В.Д. Русский дьявол. Водка в судьбе России. М., 2008. С. 5,294.

<sup>6</sup> Синявский А.Д. Основы советской цивилизации. М., 2011. С. 213-215.

<sup>7</sup> Аксенов В.Б., Багдасарян В.Э., Горлов В.Н., Курукин И.В., Лившин А.Я., Орлов И.Б., Павлюченков С.А., Телицын В.Л. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М.: ПРОБЕЛ-2000, 2007. 480 с.

<sup>8</sup> Хорошевский А.Ю. 100 знаменитых символов советской эпохи. Харьков, 2006. С. 68-72,198-203,208-222.

«Энциклопедии банальностей» известного петербургского историка Натальи Лебиной в советскую повседневность органически вплетены такие разные «питейные символы», как: шампанское и коктейль, «андроповка» и «рыковка», антиалкогольная кампания и винные погромы, безалкогольная свадьба и выпивончик, бар и забегаловка, пивная и водочная монополия, талоны на спиртное и наркомовские сто грамм, трезвомол и медвытрезвитель.<sup>9</sup>

Еще в одной «маленькой энциклопедии реального социализма» ее автор - известный российский писатель и литературовед Бенедикт Сарнов – к «пьяным знакам» советской эпохи отнес, в первую очередь, лозунг «Трезвость – норма жизни!», в нашем Отечестве всегда воспринимавшийся как оксюморон. Советский новояз лицемерно относил пьянство и алкоголизм к «язвам и родимым пятнам капитализма» вопреки тому, что нормой российской и советской жизни было «противоположное состояние души».<sup>10</sup>

Но из более чем 1300 статей увидевшей свет в 1998 году «Энциклопедии алкоголя» периоду советской истории посвящены всего 32. Показательно, что почти половина статей персонифицирована, уделяя внимание первым лицам советского государства (Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев), творческим личностям (писатели А. Гельман и Ю. Домбровский, поэты Н. Глазков, Д. Бедный, С. Есенин и Н. Рубцов, ученый И. Павлов и композитор Д. Шостакович). На их фоне совершенно затерялся известный советский винодел и дегустатор А.А. Егоров. В оставшемся ряду алкогольных символов советской эпохи – винодельческие предприятия Абрау-Дюрсо и Геленджик, «Советское шампанское», Цимлянское игристое и водка «Столичная», бормотуха, самогон, «коктейли Ерофеева», одеколон и даже клей БФ, «наркомовская доза» и идиома времен Хрущева «на троих». Нашел свое место на страницах энциклопедии и перечень мероприятий советского

---

<sup>9</sup> Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 45-48, 53-54, 58, 86-89, 91-92, 155, 194-195, 229, 243-244, 283-285, 312-313, 340-341, 351-352, 385-386.

<sup>10</sup> Сарнов Б.М. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002. С. 547, 453-463.

государства по выведению граждан страны из запойного состояния: вытрезвитель и лечебно-трудовой профилакторий, Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость, антиалкогольная лотерея 1929-1930 гг. «Книга вместо водки» и антиалкогольная кампания Горбачева.<sup>11</sup>

Но в анналах большой питейной истории затерялся еще один символ советской эпохи – рядовой советский пьяница. Именно ему посвящена книга Александра Александровича Зиновьева «Веселие Руси. Сцены из жизни русского Пьяницы», изданная на русском, итальянском, французском и английском языках в Милане в далеком перестроечном 1989 году. В книге всего 30 карикатур и, соответственно, 30 стихотворений, освещающих жизненный путь пьяницы от рождения до смерти. По мнению автора предисловия к изданию с характерным заголовком «Александр Зиновьев или Парадоксальный Бог» Даниэля Сальваторе-Шиффера, «предельный реализм» стихотворений и карикатур «цинично и жестко» отражает «трагедию человеческого сознания» (стр. 39). Это так и не так одновременно. Это книга не только о Пьянице, а о некоем новом измерении реальности – советской действительности. Не случайно первая карикатура «Родной город» (около памятника Ленину, на голове которого сидит ворона, валяется пьяница с бутылкой в руке) и первое стихотворение ассоциируются с Октябрем 1917 года:

«Есть в жизни удивительное постоянство.

Весь мир сто раз, как в Октябре, перетряси,

Но все равно веселием Руси

Вовек останется безудержное пьянство».

Лежащий под кустом пьяница задается вопросом: «Какой была бы Русь без коммунистов, не победи в семнадцатом советский новый строй»? Об этом задумывался не один Зиновьев. Поэт Николай Глазков в «Науке

---

<sup>11</sup> Мирошниченко Л.Д. Энциклопедия алкоголя: Великие люди. История. Культура. М., 1998. С. 21-22, 55-60, 84, 93-98, 138-139, 141-142, 145-146, 153-154, 161-162, 165-167, 186-187, 203-206, 212-230, 261-264, 284-288, 326-327, 329, 337, 358-359, 435-444, 447-450, 466-467, 474-480, 526-527, 530, 540.

выпивать» признавался: «По будням редко, ну а в праздник часто. Товарищи скажите, неужели, мы в наши дни откажемся от пьянства».<sup>12</sup> Аналогичный вывод делает и Юлий Домбровский: «Да, да, все знаем! Губит организм, разрушает психику, разрушает семью, и вообще страна спилась – все это нам известно – но, как говорится, что поделаешь? Так уж на Руси заведено ...».<sup>13</sup> Отсюда пророчество Зиновьева: в тот год, когда официальная статистика зафиксирует, что «русский наш народ не выпил не единой стопки водки», «Русь сначала вззоет», а потом «усилит потребление самогона вдвое».

Действительно, поворот к нэпу крестьяне осенью 1922 года отпраздновали «настоящим общероссийским деревенским запоем». Случалось, что первые вырученные от успешных продаж общинной собственности деньги селяне пропивали, вместо того, чтобы направить их на восстановление пошатнувшихся хозяйств.<sup>14</sup> Возможно, правы те авторы, которые рассматривают пьяный разгул этого периода, в который втягивались все слои населения, как своего рода празднество возвращения общества из небытия «военного коммунизма».<sup>15</sup>

Александр Александрович, не отрицая исторических корней старинной «русской забавы», перекидывает «пьяный мостик» в советскую действительность. Ученый не просто фотографичен в изображении изнанки советской жизни. С присущей ему иронией (нередко весьма жесткой), Зиновьев видит в беспробудном пьянстве («законе фундаментальном питания») способ «не видеть мерзость бытия». Поэтому уже в «Совете новорожденному» («свежесделанному пропойце», по выражению автора) звучит пожелание пить «не в меру». На одном из рисунков («Пример для подражания») дети, при равнодушном отношении гуляющих с ними мам и бабушек, внимательно наблюдают за распивающими в песочнице рабочим и интеллигентом. Впрочем, что там песочница ... Зиновьев советует пить везде

---

<sup>12</sup> Цит. по: Мирошниченко Л.Д. Указ. соч. С. 162.

<sup>13</sup> Там же. С. 206.

<sup>14</sup> Подробнее см.: Павлюченков С.А. Веселие Руси: Революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 133-142.

<sup>15</sup> Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 198.

(«в музее, в храме пей, в клозете», всегда («пей на закате, на рассвете»)) и с кем попало («с завхозом пей, с попом, с артистом»). В общем, «пей где, когда и с кем попало». А. Гельман в опубликованном в 1992 г. в «Московских новостях» эссе утверждал: «Пьющий должен пить с кем угодно, с каждым, кто готов ... Недостойных собутыльников не бывает, и быть не должно». При этом у Зиновьева портрет собутыльника inferнален: пусть даже он «как исчадия ада». Главное, чтобы у него была твердая рука и зоркий глаз. Вспомним знаменитую песню Александра Галича «Вальс его величества, или Размышления о том, как пить на троих» (1966 г.):

«Поменьше иль чуть побольше,

Копейки, какой рожон?!

А вот разделить по-Божьи –

Тут очень расчет нужен!».

Сформулированная в очередном стихотворении «основная заповедь» советского человека проста и непритязательна: чтобы «счастливо прожить» - «отправляйся выпить без причин». Ведь «нет лучше средства одолеть томление духа, чем наша русская сивуха». Поэтому в книге пьют всегда и везде. Вот бракосочетание в загсе с портретом М.С. Горбачева и пьяной компанией. В стакан жениха, который он прячет за спиной, пока его поздравляет работник загса (сама нетрезвая и с рюмкой), наливают водку. Ю. Домбровский в шутовском эссе «Эпиталама» о «застойных» 1960-1970-х годах писал: «Я пил тебя из всех возможных сосудов ...; пил утром, вечером, днем и ночью, дома, в гостях, на званых ужинах и банкетах, на свадьбах и похоронах, тайно в ванне ...; в подъездах, парадных, пустых дворах ..., в поле, в лесу, в горах, у моря ..., на пароходе, в поезде, автомобиле, самолете ...». <sup>16</sup> Но в каждой шутке, как известно, есть доля истины.

Связь поколений (пусть и в своеобразном виде) видна на рисунке «Первое “причастие”», где на фоне иконы и портрета Иосифа Сталина (вот

---

<sup>16</sup> Цит. по: Мирошниченко Л.Д. Указ. соч. С. 154,204.

она переключка эпох) дед и отец наливают пионеру первый в его жизни стакан. Вообще, книга Зиновьева насквозь пронизана некой псевдорелигиозной риторикой. Здесь и «искушение» пропить последние деньги, о чем свидетельствует молитва перед входом в «храм», в роли которого выступает кабак: «на алтарь клади природы свои последние гроши». Ее дополняет моление по входу в «храм»: «О, жизнь! Благословлена будь, покуда существует пьянство». Показательно, что с двадцатых годов прошлого века горожане ходили в пивные охотнее, чем в респектабельные кафе и рестораны, несмотря на царившие там грязь, ругань, давку, драки и т.д. Социологи связывали это с тем, что в пивной можно было свободнее вести себя: шуметь, пить, петь, браниться и т.д. Посетителей, даже самых пьяных (в пивных нередко смешивали пиво с водкой), в получении пива не ограничивали. Н.Б. Лебина обнаружила в архиве весьма курьезную фотографию середины 1920-х годов, запечатлевшую группу рабочих в трактире, за уставленным бутылками и стаканами столом, под висящем на стене портретом вождя с лозунгом «Ленин умер, но дело его живет».

Путь спасения от давления коммунистического режима Зиновьеву видится через пьянство: «Пусть водка по жилам струится под кожей. Пред Богом предстану пусть с пьяною рожей». И, наконец, молитва с похмелья: «По воспитанью – атеист, а от природы – верю». Поэтому просит Бога простить грех пьянства: «Ведь он велик, когда на всех, на одного ж ничтожен». Кстати А. Гельман также подчеркивал, что «душа пьющего ближе к Богу, чем душа непьющего». Поэтому именно «пьющие гении спасают человечество от гибели».<sup>17</sup>

\*\*\*\*\*

*«Выпивание – не линейный путь, а смена измерений.  
Русский проходит и познает состояния: от беспочвенного  
оживления, шумного веселья, похоти, счастья, войны, тоски,  
кручины до пребывания в русской нирване, которая в силу  
несравненности не знает словесного выражения» (Виктор Ерофеев)*

---

<sup>17</sup> Там же. С. 154.

В книге А.А. Зиновьева пьянство неотделимо от других форм девиантного поведения. На одном из рисунков изображена пьяная драка в духе Иеронима Босха, на другом - похабная «любовная» сцена около помойки, за которой подглядывает из окна «простая советская семья». А вот традиционное трио около помойки, центральной фигурой которой выступает интеллигент в галстук с портфелем, из которого выглядывают две бутылки водки. Но остальные двое явно не обычные собутыльники: один настойчиво требует водку, а другой держит за спиной нож. Еще на оном рисунке на помойке две «мрачных личности» ножами режут человека за бутылку водки.

Еще одной сюжетной линией стала тема адюльтера: «Пошли мне женщину, но только не на жизнь». Ведь жена «изменит – это аксиома», поэтому «старайся сам ее опередить». Поэтому на рисунке «В командировке» смешалось все в кучу – пьяное похмелье и храпящая на кровати в убого обставленной комнате голая женщина.

Пьяница у Зиновьева – аскет, чье философское отношение к вещам отчеканено в простой, но емкой формуле: «оставь надежды одежду новую купить, старайся старую пропить». Перед нами сцена на толкучке, где пьяница продает самогонщице снятые с себя штаны. На рисунке «Возвращение блудного сына» на фоне помойки и созерцающего эту картину милиционера две женщины несут пьяного, на котором минимум одежды – галстук, трусы и один носок. Весьма специфично у пьяницы и понимание сдержанности в еде: выбор между «обедом от пуза» или «по горло пьянством» всегда в пользу последнего.

И, наконец, новая формула советской действительности: «советская власть + партия = пьянство». Вот набросок партийного собрания, где скучающему и зевающему под красным знаменем и бюстом В.И. Ленина президиуму противопоставлены рядовые коммунисты, спящие, болтающие и распивающие. Один из них уже валяется между рядами. Следует отметить, что эта «партийная традиция» уходит своими корнями в первое десятилетие советской власти. По свидетельству современников, во второй половине



1920-х годов особую склонность к алкоголю проявляли партийные «выдвиженцы» и комсомольцы. Вовсе не случайно водочную бутылку емкостью 0,1 л стали именовать «пионером», 0,25 – «комсомольцем», а 0,5 л – «партийцем».<sup>18</sup> На крестьянском митинге в Поподынской волости Рязанского уезда 31 января 1925 года было сделано заявление, что «у нас коммунисты каждый день пьяные находятся ... ни одного собрания не проведут не пьяные, все вдрыск, ... все пьянствуют».<sup>19</sup> На это Зиновьев отвечает «молитвой о партийности», содержащей альтернативные условия вступления в КПСС: не платить членских взносов, «не слушать б речи трепачей, не одобрять политразносов, не изучать б вождей речей, не врать б про мнимые успехи, в колхозе б срок не отбывать, не отмечать б эпохи вехи, в честь их на вахту б не вставать, в быту не быть бы мне примерным, а оглядкой водку бы не пить».

Вот «гимн пьянству» с очевидным антисоветским контекстом: «Мы клали с прибором на их вытрезвители». В этом плане весьма показателен рисунок «Обеденный перерыв», где под бюстом В.И. Ленина, портретом М.С. Горбачева и плакатом «Трезвость – норма жизни» за столиком трое граждан вполне приличного вида разливают водку под столом.

Вопреки советскому лозунгу «Алкоголизм и социализм несовместимы», у Зиновьева нет ни малейших сомнений, что именно алкоголь позволял советским людям сопротивляться «прекрасным сказкам Маркса учения». «Зарю человечества встретим блевотиной», ведь трезвые «строители нового рьяные» «завоют с тоски и от скуки повесятся». И, вообще, смерть уравнивает всех: «Шпану у винного ларька, и прохиндея из ЦеКА», «и мудреца, и дурака уносит времени река». Но при этом преимущества пьянства очевидны:

«Война начнется – все в огне сгорим,

И некуда живому будет скраться.

---

<sup>18</sup> Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 179.

<sup>19</sup> Там же. С. 205.

Погибнут даже партсекретари.

Жизнь сохранять лишь пьяницы и крысы».

Соответствующее стихотворение «Завет властям» содержит советы, как держать страну в покое: «Снижайте цены хоть чуть-чуть, нет, на хлеб, а лишь на водку». В питейную программу правительства вложены и иные «премудрости»: «Надо пьянство, как и церковь, с государством разделить», «Раз в неделю всем бесплатно поллитровку выдавать» и т.п.

Но советское пьянство имело и «международное измерение»: наш человек пил не только дома, но и за границей. Отчеты руководителей туристических групп пестрят сообщениями об излишнем увлечении туристов горячительными напитками. Причем, питье сближало разные профессиональные группы и устранило грань между членами партии и беспартийными. Случались серьезные эксцессы, когда злоупотребление спиртным приобретало характер массовой попойки, выходившей из-под контроля руководства туристической группы. Однако совершенно исключить употребление спиртных напитков советскими туристами за рубежом было невозможно, так как распитие алкогольных напитков было обязательным атрибутом неофициальной части вечеров дружбы и торжественных приемов. По мере расширения масштабов и географии выездного туризма советская «питейная культура» в лице ее рядовых (и не только) представителей широко распространялась по планете.

Завершает книгу рисунок «Могила неизвестного пьяницы», где на фоне Кремлевской стены и куполов с крестами в почетном карауле (опять своеобразная связь эпох) с бутылками и штопором в руках замерли два пьяницы. Сам памятник сделан в виде бутылки. Характерен и некролог «обычному русскому забулдыге», написанный не в газете, а «на грязной стенке в туалете, к чертям послав изящный слог»: «вот дух он испустил, и на головку от бутылки мир стал ниже». Но не надо забывать, что «пол-литра», как мера «всех жизненных ценностей», имела в массовом сознании и политическое измерение:

«Если будет двадцать пять,  
Будем Зимний братъ опять».<sup>20</sup>

То есть на навязываемые сверху официозные принципы общежития и правила пития население отвечало на языке «смеховой культуры». Это язык очень тонко уловил и расшифровал Александр Александрович Зиновьев, превратив свое произведение в иллюстрированную «энциклопедию» советской действительности вообще, и пьянства, в частности.

---

<sup>20</sup> Сарнов Б.М. Указ. соч. С. 456.